

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-290-301

**АВТОРИТЕТНЫЙ ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ К НЕМУ
КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ГИПЕРТЕКСТ.
НАЧАЛО СУТРЫ О ВЕРХОВНОЙ СЕТИ БРАХМЫ
(СВОД ДОЛГИХ СУТР № 1)
С ТРАДИЦИОННЫМ КОММЕНТАРИЕМ**

А.В. Парибок

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 119034

В публикации представлены переводы с пали первых четырех параграфов известного буддийского канонического текста “Сутра о верховной сети Брахмы” и традиционного комментария на него. Сококупность комментируемого и комментария понимается как традиционный гипертекст. Работа мыслится как репрезентативный материал для изучения традиционного языкового мышления в канонической культуре.

Ключевые слова: тхеравада, комментарий, гипертекст, каноническая культура, буддизм

Вступительная статья

В данной публикации вниманию читателей предлагается в переводе с пали начальный отрывок канонической “Сутры о верховной сети Брахмы” вместе с традиционным комментарием на него, который был оформлен или составлен знаменитым тхеравадинским комментатором Буддхагхошей в V веке н.э., то есть спустя не менее чем 9 веков со времени жизни Будды. Если академических переводов буддийских текстов с палийского подлинника, в отличие от многочисленных, выполненных энтузиастами вторичных переводов через посредство английского языка, на русском языке до сих пор совершенно недостаточно, то о переводах комментариев нельзя сказать даже этого: они попросту отсутствуют. Между тем и они, и особенно создаваемая ими гипертекстовость «комментируемое + комментарий», является весьма важной чертой бытования буддийской традиции, которая в этом отношении не отличается от других традиций, например, исламской с тафсирами Корана или еврейской с раввинскими толкованиями Пятикнижия.

Публикацию следует воспринимать прежде всего как знакомящую с образом традиционного гипертекста, но не как буддологическую. Содержательных комментариев к обоим переведенным отрывкам дано совсем мало, впрочем, и значимые буддийские темы отсутствуют в публикуемом начале сутры. Для

© Парибок А.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

нас же в данном случае важнее более формальные вопросы: что комментируется и не комментируется; почему и зачем комментируется и посредством каких приемов; каково назначение тематических отступлений, порой значительных, от основного текста. Комментируемое в основном тексте, как и цитаты из него в комментарии, выделены курсивом. Следует учитывать, что поскольку древний комментарий к данному отрывку сутры представляет собою начало большого труда, а именно комментария на т.н. “Свод пространных сутр”, то немало подробностей, возможно для читателя отрывка и излишних, вводятся в нем на правах объяснения не комментируемого пассажа, но всего канонического свода.

Перевод выполнен с изданий Pali Text Society:

1. *Dīgha-nikāya*, Vol. I (1889, corrected reprint 2007), eds. T.W. Rhys Davids and J.E. Carpenter.
2. *Sumaṅgalavilāsinī*, Vol. I (1929, 2nd edn. 1968), eds. T.W. Rhys Davids and J.E. Carpenter.

Комментируемый текст

1. *Так я слышал. Однажды Благодетель* находился в пути — дороге между Раджагрихой и Наландой вместе с большой общиной монахов, с пятьюстами примерно монахами. И бродячий подвижник Суприя тоже находился в пути — дороге между Раджагрихой и Наландой вместе со своим учеником, молодым брахманом Брахмадаттой. И тогда бродячий подвижник Суприя разными способами хулил Пробудившегося, хулил дхарму, хулил общину, молодой же брахман Брахмадатта, ученик бродячего подвижника Суприи, разными способами хвалил Пробудившегося, хвалил дхарму, хвалил общину. И оба они, учитель с учеником, высказывая друг другу прямо противоречащие утверждения, неотступно следовали за Благодетелем и общиной монахов.

Комментарий

Когда шел тот первый большой собор, и завершилось составление корпуса Устава, достопочтенный Великий Кашьяпа спросил о первой сутре, т.е. «Сутре о верховной сети», первого Свода в составе «Корзины сутр»: «Где была изречена „Сутра о верховной сети“, друг Ананда?» и т.д. Когда он закончил свою речь, достопочтенный Ананда, разъясняя, где это было изречено и по какому поводу, начал: «*Так я слышал*». Здесь *так* — это частица, *я* — это имя, как и иные [имена далее]; *находился*: здесь *на* — глагольная приставка, *находился* — глагол. Таким образом разделяются части речи (1). По смыслу же слово *так* многозначно, выражая сравнение, наставление, воодушевление, порицание, подтверждение, образ действия, разъяснение, определенное решение <...> (2). Здесь же его следует понимать в значениях образа действия, разъяснения, определенного решения.

[1] В значении образа действия: «Кто способен осознать речи во всем их многообразии!? В них есть искусность множества разных подходов, порождены они разными наклонностями [адресатов], совершенны по содержанию и выражению, разнообразны чудесами, глубоки в проникновенном изложении дхармы

и предмета, предназначены всем существам, сообразно языку каждого из них. Но я всеми своими силами собрался, желая внять, и вот, услышал я *так*, то есть я услышал таким вот образом». [2] В значении разъяснения: «Я не сам от себя, я этого не осуществил», — т.е. снимая с себя авторство... [3] В значении определенного решения: «Из многоученых монахов, моих слушателей, о монахи, первым считается Ананда, также — из верно поступающих, памятливых, стойких служителей» [слова Благодетеля]; «Достопочтенный Ананда искусен в предмете, искусен в дхарме, искусен в изложении, искусен в знании словопроизводства, искусен в том, что раньше, а что позже» [слова Полководца дхармы]. [Достопочтенный Ананда], демонстрируя свою по достоинству прославленную память, пробуждает в существах стремление к слушанию: «Я *так* слышал, и это и по содержанию, и по выражению не больше и не меньше, это вот так, и не иначе»...

В [составе предложения] из этих трех слов *так* указывает на функции сознания, [т.е.] слуховое сознание и пр.; *я* — на индивидуума, причастного к названному сознанию; *слышал* — отрицает состояние неслышания и указывает на неискаженное восприятие без опущений и добавлений, а также выражает разворачивающийся разнообразно на своей опоре процесс осознания, запускаемый актом прислушивания, *я* — сам, *слышал* — дхарму, т.е. вкратце «процессом осознания, разнообразно разворачивающимся на своей опоре, я не что-то иное делал, а именно слушал вот эту дхарму». А также *так* — это указание на необходимость излагать, *я* — указание на индивидуума, *слышал* — указание выполняемой индивидуумом функции, т.е. «Сутру, которую я буду излагать, я слышал так». А также [слово] *так* указывает на различные образы действия того процесса сознания, который, разворачиваясь разными способами, охватывает различные содержания и выражения, поскольку *так* выражает представление об образе действия. *Я* указывает на деятеля, *слышал* — на область... или иначе: *так* — указание на действие индивидуума, *слышал* — указание на действие сознания, *я* — указание на индивидуума, в котором соединены обе функции, иными словами: «Я, т.е. индивидуум — обладатель сознания, осуществляющего функцию слушания, посредством сознания услышал благодаря работе имеющейся функции слушания».

Здесь [слова] *так* и *я* — это знаниевые представления о том, чего в предельном, действительном смысле не существует. Разве есть в предельном смысле нечто, что можно было бы обозначить *так* или *я*? *Слышал* же — это знаниевое представление о сущем. Ибо то, что обретается слышанием [т.е. слышанное], существует предельно, [как] предмет...

А также слово *так* подразумевает неспутанность ума, поскольку спутанный умом человек не в состоянии проникательно постигать многообразное. Слово «*слышал*» подразумевает на невыпадение услышанного из памяти. Ведь тот, кому изменила память, не сможет по прошествии какого-то времени вновь заявить, что «он слышал». Однако неспутанность есть совершенство постижения, а невыпадение — совершенство памяти. При этом памяти, предваряемой постижением, присуща способность к удержанию выражения в его определенности, а постижению, предваряемому памятью, присуща способность к проникновению в содер-

жание. От соединения же этих обеих способностей получается совершенство Казначей дхармы (3), т.е. способность к сохранению сокровищ дхармы, превосходящей по содержанию и выражению.

Иной подход: слово *так* подразумевает подлинную проработку умом, поскольку тот, у кого проработка умом не подлинна, не обладает проникновением в многообразие. Слово *слышал* подразумевает нерассеянность, поскольку для рассеянного сознания не бывает слышания. Ведь индивидуум, чье сознание рассеяно, даже если ему излагают нечто с совершенством, скажет: «Я не слышал, повторите». Подлинной проработкой умом здесь реализуется свое собственное истинное упование и наличие духовных заслуг в прошлом, ибо у не имеющего собственного истинного упования и не обладающего прошлыми духовными заслугами подлинной проработки умом нет. А нерассеянность реализует слушание истой дхармы и доступность ученичества у добродетельного человека. Ведь рассеянный не может слушать, а без слушания нет доступности ученичества у добродетельного человека.

Иной подход: Поскольку, как указывалось выше, слово *так* подразумевает различные образы действия того процесса сознания, который, разворачиваясь разными способами, схватывает различные содержания и выражения, — ибо *так* выражает представление об образе действия, а такой благой образ действия не имеет места у не обладающего собственным истинным упованием или не обладающего прошлыми духовными заслугами, — то словом *так*, т.е. [развернем] «таким вот благим образом действия», намекается на должное наличие у человека второй пары колес, а словом *слышал*, по связи со слушанием, намекается на должное наличие первой пары колес. Ведь для живущего в неблагоприятной местности или лишенного доступа к ученичеству у добродетельного человека нет возможности слушать дхарму.

Однако через реализованность второй пары колес реализуется чистота духовной склонности, а через реализованность первой пары колес — чистота применения ее в деле. Посредством же чистоты духовной склонности реализуется мастерство в понимании-достижении (*adhigama*), посредством чистоты применения — мастерство освоения традиции (*āgama*). Итак, это [= слова «так я слышал»] есть выражение того, кто чист духовной склонностью и ее применением, исполнен понимания-достижения и освоения традиции <...> (4).

Всем вместе выражением *так я слышал* достопочтенный Ананда дает понять, что эта дхарма возвещена Татхагатой, т.е. не он сам ее автор, а тем самым он покидает почву дурных людей, признает себя слушателем-учеником и вступает на почву добродетельных.

<...> Указывая, что это — речи Благодетеля, обладателя четырех уверенностей, носителя десяти сил, исторгающего победный львиный рык, высочайшего среди всех существ, владыки дхармы, светоча дхармы, убежища дхармы, миродержца истой, изысканной дхармы, Истинновсепробудившегося, [Ананда] порождает полноту веры в слушающих его богах и людях, устраняя неверие: «Ни в пред-

мете, ни в дхарме, ни в слове, ни в слоге не следует здесь сомневаться или понимать их в противном смысле»...

Благодетель — в знак почтения. В миру и мире Благодетелем называют кого-то почитаемого, а он почитается в силу исключительности всех своих свойств, и притом для всех существ, поэтому он Благодетель.

Как сказали Древние: (5) «Благодетель — это выражение высшего, Благодетель — выражение непревосходимого, Благодетель почитаем и достоин почитания, потому так и назван». Кроме того, если соединить это со смыслом стиха: «Благодетель — это обладатель великой доли, удачливый, наделитель благами, с преданностью почитаемый, конец стремлений в становлении», то данное слово можно толковать и пространнее... [В выражении] *Так я слышал: однажды Благодетель...* слово *так* указывает на необходимое наличие самой проповеди, *я слышал* — на необходимое наличие слушателя-ученика, *однажды* — на необходимое наличие случая, обстоятельства [проповеди], *Благодетель* — на проповедника...

С большой общиной монахов: община велика своими достоинствами и велика числом. Достоинствами — неприязнательностью и сотнями прочих достоинств, а числом — пятью сотнями <...> *Хулил пробудившегося:* выдвигал в качестве основания хулы, порицания, очернения то, что таким основанием не является: «Шраману Готаме не стоит выказывать почтение и знаки уважения, как принято в обществе по отношению к высокородным. Шраман Готама невзрачен, непригляден, неимущ, учит об отсутствии у деятельности смысла, о пресечении, это отвращающийся от мира аскет, учащий своему уставу, который не попадет более в утробу матери»; «нет у шрамана Готама достаточного ариям особого видения — ведения, превосходящего человеческие возможности»; «шраман Готама учит тому, что сам выковал рассуждением, проведя исследование, до чего дошел своим умом. Шраман Готама не всеведущ, не знает мира, не высшая личность» и пр. ... Так же он хулил дхарму и общину... А ученик его думал так: «Наш учитель посягает на неприкосновенное, нападет на неприступное, он словно огонь глотает, словно ладонью лезвие гладит, словно кулаком вершину Меру сшибить старается, словно зазубренной пилой балуется, словно свирепого во время гона слона голыми руками поймать пытается, извергая хулу на три драгоценности, заслуживающие лишь одних похвал. Однако если учитель и ступает на испражнения, лезет в огонь, наступает на колючки, суется к кобре, сам садится на кол, ест смертельную отраву, валится в гибельную пропасть, то ученик не обязан во всем ему подражать. У всех существ — свое деяние, участь каждого из них сообразна их деяниям, ни отец не причастен участи по делам сына, ни сын — по делам отца, ни мать — сына, ни сын — матери, ни брат — сестры, ни учитель ученика и ни ученик учителя. Мой же учитель извергает хулу на три драгоценности, а порицание ариев — весьма большой проступок». Так он здраво рассудил... и принялся восхвалять три драгоценности, будучи по природе умен...

Почему же Благодетель отправился по этой дороге, почему вслед за ним пошел Суприя, и почему он извергал хулу на три драгоценности?

Что касается Благодетеля, то он в ту пору обычно жил в одном из восемнадцати больших монастырей, находившихся близ Раджагрихи. Утром, взбодрив тело, во время, когда следует ходить за подаянием, он в окружении общины монахов ходил по Раджагрихе, собирая подаяние. А в тот день, собрав щедрую милостыню с общиной монахов и вернувшись после еды, он велел общине монахов взять с собой миски и надеть верхние одежды, сказал: «Я иду в Наланду», вышел из Раджагрихи и отправился в путь.

Суприя же в ту пору жил в какой-то из обителей для бродячих подвижников близ Раджагрихи; в окружении других подвижников он ходил по Раджагрихе, собирая милостыню. В тот самый день он с окружением из подвижников собрал щедрую милостыню, поел, велел подвижникам взять с собой вещи и тоже сказал: «Я иду в Наланду». Не зная, что Благодетель уже направился по этой дороге, он пошел за ним вслед. А если бы знал, не пошел бы. Так он шел, не зная, вытянул шею и увидел Благодетеля, ярко блистающего, как это свойственно пробудившимся, подобно золотой вершине горы, окутанной красным покрывалом. Ведь в то время во все стороны из тела Десятисильного исходили шестицветные лучи и на расстоянии восьмидесяти локтей играли и переливались; беспрестанно, словно рассыпались от него драгоценные протуберанцы, драгоценные гирлянды, драгоценная пудра; [зрелище было подобно] большой золотой столешнице, украшенной пестрыми драгоценными камнями, или яркому скоплению факелов, или непрерывным дождем падающим цветам карникары; кругом все словно засыпано было сдутой порывом ветра пылью свинцового сурика; дрожащее сияние подобно было радуге, молниям, зареву множества звезд и созвездий ... А все монахи, находившиеся в непосредственном окружении Благодетеля, были непритязательны, довольствовались малым, были склонны к уединению, ненавязчивости, все осуждали дурное; все были искусными в речах, одаренными красноречием, исполненными доброго нрава, исполненными также сосредоточением, постижением, освобожденностью и видением-веданием освобожденности. А Благодетель среди них — словно золотой столб, увешанный со всех сторон красными покрывалами, словно золотая лодка, заплывшая в заросли расцветших лотосов, словно месяц в полнолуние, окруженный сонмом созвездий, был отрадою очей даже для зверей и птиц, не то что для людей и богов! Ибо в тот день большая часть восьмидесяти великих тхер, накинув на одно плечо одежды из ветоши цвета облака, с дорожными посохами в руках, подобные умашенным слонам, извергшие ненависть, побившие свои удручители, расчесавши колтуны, перерезавшие свои путы, окружила Благодетеля. Бывший пробудившимся сам по себе, он сам бесстрастный, беззлобный, чуждый глупости, избавившийся от влечений и удручителей, в окружении тех, кто стал пробудившимся вслед за ним, тоже бесстрастными, беззлобными, чуждыми глупости, избавившимися от влечений и удручителей, подобен был тычинкам в окружении лепестков, лепесткам в окружении чашелистиков, слоновьему царю Шестиклыкку в окружении восьми тысяч могучих слонов, лебединому царю Дхритараштре в окружении девяноста тысяч лебедей, царю богов Шакре в окружении

содружества марутов, Великому Брахме в окружении содружества брахм (6), и с несравненным, непостижимым изяществом пробудившегося, рожденным силою духовных заслуг, собранных за неисчислимые времена, шествовал по той дороге, словно месяц по небосводу.

И вот, узревши Благодетеля, шествовавшего с несравненным изяществом пробудившегося, и монахов его, успокоившихся в своих чувствах и умах, поклоняющихся ему, словно полному месяцу в небесной вышине, — подвижник взглянул на свое окружение. Там шли люди, навьючившие себе на коромысло всякое барахло, которое то и дело отцеплялось и валялось — треножки, котелки для воды, скамейки, горшки, котомки и тому подобное, непрестанно болтавшие и пустословившие о чепухе: «У того-то ноги красивые, у того-то — руки», на вид неприглядные и доверия не внушавшие. Ему стало известно. Теперь следовало бы ему восхвалить Благодетеля! Но раз уж он непрерывно завидовал Благодетелю из-за утраты подношений и почета, а также утраты части сторонников, то он, словно изблевывая отраву зависти, стал извергать хулу на Благодетеля. Так это надо понимать.

Комментируемый текст

2. *И вот Благодетель вместе с общиной монахов остановился на ночлег в саду ‘Манговая жердь’ при царском загородном доме.* И бродячий подвижник Суприя вместе с учеником, молодым брахманом Брахмадаттой, тоже остановился на ночлег в саду ‘Манговая жердь’ при царском загородном доме. И там тоже бродячий подвижник Суприя разными способами хулил пробудившегося, хулил дхарму, хулил общину, молодой же брахман Брахмадатта, ученик бродячего подвижника Суприи, разными способами хвалил пробудившегося, хвалил дхарму, хвалил общину. Так оба они, учитель с учеником, высказывая друг другу прямо противоречащие утверждения, неотступно следовали за Благодетелем и общиной монахов.

Комментарий

И вот Благодетель вместе с общиной монахов остановился на ночлег в саду «манговая жердь» при царском загородном доме. А Благодетель, шествуя с тем изяществом пробудившегося, добрался с течением времени до ворот «Манговой жерди», взглянул на солнце, решил: «Дальше идти нельзя, скоро солнце зайдет» и остановился на одну ночь у «Манговой жерди». Здесь «Манговая жердь» — это царский парк. Полагают, что рядом с воротами в него было манговое деревцо, его так там и называли. А парк получил это же название, ибо находился рядом. Был он тенист, с проточной водою, окружен стеной, с крепкими воротами и надежно охранялся. Там для царя был построен дом для забав, весьма затейливый. Его и называли загородным домом ... Суприя же там же взглянул на солнце и решил: «Дальше идти нельзя, у нас много малолетних и престарелых подвижников. А на дороге вовсе не безопасно, есть и разбойники, и хищники. Шраман Готама вошел в парк, а место, где он останавливается, всегда оберегают боги. Остановлюсь-ка и я, пожалуй, здесь на одну ночь, а завтра дальше двинемся». Итак,

община монахов с должным почтением к Благодетелю стала распределять места и устраиваться. И подвижник в каком-то углу парка сложил свои пожитки и тоже устроился... а ночью он посмотрел на Десятисильного. А тот час повсюду зажжены были светильники, подобные созвездиям. В центре восседал Благодетель, а кругом него — община монахов. И ни единый монах из их числа ни ногой не шевельнет, ни рукою, ни кашляет, ни чихнет! Окружение Учителя таково по двум причинам: от хорошей выучки и из уважения к Учителю. Потому сидят они недвижно, подобные языкам пламени при безветрии. После этого возвышенного зрелища подвижник обратился к своим. А там кто руками во сне подергивает, кто ногами, кто спросонок бормочет, у кого язык высунулся, кто слюну пустил, зубами скрипит, храпит, сопит, урчит...

Комментируемый текст

3. А в ту пору, когда ночь стала бледнеть, монахи по большей части поднялись, собрались вместе и расселись в круглой беседке, — и пошли у них такие вот речи: «Чудесно, друзья! Необычайно, друзья! До чего же верно усмотрел Благодетель, ведающий и видящий, архат, истинно всепробудившийся, что наклонности живых существ не сходны! Вон ведь бродячий подвижник Суприя разными способами хулит пробудившегося, хулит дхарму, хулит общину, молодой же брахман Брахмадатта, ученик бродячего подвижника Суприи, разными способами хвалит пробудившегося, хвалит дхарму, хвалит общину. И оба они, учитель с учеником, высказывая друг другу прямо противоречащие утверждения, неотступно следуют за Благодетелем и общиной монахов».
4. *А Благодетель узнал, о чем идет речь у этих монахов*, и направился к круглой беседке. Придя, он уселся на расстеленное сидение. Усевшись же, Благодетель обратился к монахам: «За какою беседою, монахи, вы тут сидите? На чем у вас сейчас остановился разговор?» На эти слова монахи сказали Благодетелю: «Мы, почтенный, поднялись со сна, когда ночь стала бледнеть, собрались вместе и расселись в круглой беседке, — и вот какие речи у нас пошли: „Чудесно, друзья! <...> так и следуют неотступно за Благодетелем и общиной монахов“. Здесь-то мы и остановились, когда Благодетель подошел».

Комментарий

А Благодетель узнал, о чем идет речь у этих монахов. «Узнал» — здесь в [значении] «познал всеведущим знанием». Иногда ведь Благодетель познает, увидевши телесными очами, как в [сутре:] «и увидел Благодетель влекомое по течению Ганги большое бревно»; иногда познает, увидев божественными очами, как в [сутре:] «и увидел Благодетель божественными очами, чистейшими, сверхчеловеческими, как те божества тысячами рассаживаются в деревне Патали»; иногда познает, услышав телесными ушами, как в [сутре:] «Услыхал Благодетель разговор Ананды с подвижником Субхадрой»; иногда узнает, услышав божественным слухом, как в [сутре:] «И услышал Благодетель божественной способностью слуха, чистейшей,

сверхчеловеческой, тот разговор домохозяина Сандханы и подвижника Нигродхи». Здесь же он узнал это своим всеведущим знанием. Чем он занимался в это время? Занятиями, определенными ко времени последней трети ночи. Занятия, вообще говоря, двух родов — бессмысленные и осмысленные. Однако бессмысленные занятия Блаженный полностью искоренил, уже сидя под деревом просветления в позе лотоса, с достижением пути арахатства. Осмысленные же занятия у Благодетеля остались. Они пяти родов: занятия до еды, занятия после еды, занятия в первую треть ночи, в среднюю треть и в последнюю.

Занятия до еды таковы. Вставши рано утром, Благодетель, как из любезности по отношению к своему личному служителю (7), так и ради телесного благополучия, полощет рот и т.п. после утреннего туалета он, вплоть до поры, когда следует идти за подаванием, сидит в уединении. Когда же наступает эта пора, он надевает верхнюю одежду, берет миску и отправляется в деревню или в торжок за подаванием, иной раз один, иной раз с общиной монахов; иной раз — естественным образом, иной раз — проявляя различные чудеса, такие, например: когда Господь мира идет за милостыней, то легкий ветерок перед ним очищает землю, облачка изливают мелкие капельки воды, чтобы прибить пыль на дороге; другие ветра приносят цветы и рассыпают их по дороге; бугорки и ямы выравниваются, в тот момент, когда он ставит ногу, земля делается совершенно ровной и приятной на ощупь, или под ногой оказываются цветы; стоит его правой ногой ступить рядом со столбом у городских, деревенских и пр. ворот, как из его тела начинают изливаться лучи шести цветов ... слоны, лошади и птицы, где кто из них был, все подают голос, начинают звучать и барабаны, вины и прочие музыкальные инструменты, позвякивают украшения. Это оповещение, чтобы люди понимали: «Сегодня Благодетель пришел за подаванием сюда». И они тогда наряжаются, выходят из домов с цветами, благовониями и ожидают Благодетеля на улице. Встретив Благодетеля, они предлагают ему благовония и цветы и просят: «К нам, почтенный, отрядите десять монахов, а к нам — двадцать, к нам — сотню...». Берут они и миску из рук Благодетеля, предлагают ему сесть и с почестями угощают его. Свершив трапезу, Благодетель смотрит на их процессы сознания и соответственно преподает им дхарму: кто-то приходит к прибежищу, кто-то принимает на себя пять обетов доброго нрава, кто-то становится вступившим в поток, кто-то единожды возвращающимся, невозвращающимся, а кто-то и архатом. Так он, облагодетельствовав множество людей, встает и возвращается в монастырь. В монастыре он усаживается в круг беседки на лучшем, для него предназначенном сидении, и дожидается, когда все монахи покончат с занятиями пищей. Об этом Благодетеля извещает личный служитель, и тогда он уходит в благоуханную комнату (8). Это его занятия до еды.

<...> Войдя вместе со служителем в благоуханную комнату, он садится на подготовленное сидение, омыв ноги, а затем поднимается на украшенный драгоценными камнями помост и увещевает монахов: «Упражняйтесь, монахи, не будьте беспечны, трудно встретить в этом мире пробудившегося, трудно родиться человеком, трудно обрести все благоприятные условия для следования дхарме,

трудно получить постриг, трудно услышать благую дхарму». Тут некоторые из монахов просят указаний для личной работы (9). Благодетель дает им упражнения соответственно их душевному складу. Все они, попросившись с Благодетелем, расходятся по своим местам дневных или ночных упражнений — кто в лес, кто под дерево, кто в горы и пр.; — а кто в сферы богов — властителей стран света, ... и вплоть до богов, наслаждающихся плодами чужих творений.

А Благодетель остается в благоуханной комнате. Если ему хочется, он ложится на полчаса отдохнуть — на правый бок, в памятовании-и-понимании, в позу льва. Когда тело освежилось, он встает и следующую часть времени озирает мир. В последнюю часть этого времени в монастыре собираются люди из деревни, торжка или города, рядом с которым расположен монастырь и которые угощали монахов в первую половину дня. Тогда Благодетель с общиной в полном составе идет в зал собрания [если уместно, то с чудесами], усаживается на лучшем сидении и проповедует дхарму, подходящую по времени и обстоятельствам. В нужный момент он распускает собравшихся. Те откланиваются. Это занятия после еды.

Затем, если телу требуется омовение, он направляется в умывальную комнату и там моется водой, подготовленной ему личным служителем. Служитель выносит сидение Благодетеля и ставит его рядом с благоуханной комнатой. Тогда Благодетель надевает двойную красную одежду, подпоясывается, верхнюю мантию забрасывает на одно плечо, садится и некоторое время пребывает в одиночестве. Затем приходят монахи, кто откуда; некоторые ставят проблемы, некоторые спрашивают о способе личной работы, некоторые просят о проповеди. Исполняя их просьбы, Благодетель проводит первую треть ночи... потом монахи расходятся, наступает черед божеств со всей десяти тысячной мировой сферы с их вопросами, некоторые из которых состоят только из четырех слогов. Отвечая на их вопросы, Благодетель проводит время средней трети ночи. Последняя треть сама делится на три части. Из них в первой, чтобы избавить тело от сдавливания и неудобства, вызванного непрерывным сидением, Благодетель разминается и прогуливается. Во второй — в благоуханной комнате укладывается на правый бок, в памятовании-и-понимании, в позе льва. В третьей — опять встает и озирает мир оком просветленного, ища людей, имеющих заслуги перед прошлыми просветленными благодаря своей щедрости, нравственности и пр. Таково занятие в последнюю треть ночи. В тот день о котором речь, разговор, который завели монахи, он узнал своим всеведущим знанием, прохаживаясь по время последней трети ночи. А узнав его, Благодетель подумал: «Монахи восхваляют мое всеведущее знание. Однако им не ясно, как оно действует, это ясно лишь мне самому. Если я подойду к ним, они тотчас скажут мне, о чем у них речь. Я же подразделю учение о добрых нравах на три раздела, а потом произнесу победную речь о шестидесяти двух точках зрения, завершив это изложением становления по факторам. Тем самым я словно приподниму гору Меру, метну в небо золотое копье, — я произнесу для них сутру „Верховная сеть“, завершающуюся архатством, от чего содрогнется десяти-тысячная сфера миров. А когда я упокоюсь, она останется на целых пять тысяч лет,

способствуя осуществлению великого унятия». Вот с такими мыслями он направился к круглой беседке.

<...> Уселся на расстеленное сиденье. Полагают, что во времена жизни Пробудившегося повсюду, где жил хотя бы один монах, для Пробудившегося готовили сидение. Зачем? Дело в том, что Пробудившейся держит в уме всех тех, кто лично у него получал указания о том, как работать с собою, и следит, как у них идут дела: «Смог ли он осуществить нечто исключительное, или нет?» И он может увидеть, что такой-то оставил свою работу над упражнениями и предался неблагим помыслам. Тогда он тотчас являет себя ученику, чтобы того ободрить, полагая: «Нельзя допустить, чтобы у такого учителя, как я, некий сын достойного рода получил наставление о личной работе, а вслед за тем его одолели бы неблагие помыслы, ввергая в круговерть тягостного бытия, коему нет конца». Он наставляет сына достойного рода, а затем взмывает в воздух и возвращается к себе. Сталкиваясь с подобными случаями проповеди, монахи рассудили: «Возможно, что Учитель узнает, что у нас на уме, придет к нам и встанет рядом. Тут уж искать, на что его усадить, будет совершенно не ко времени!» Поэтому сидения они готовили заранее ... если не оказывалось подходящего материала, то попросту сгребали в кучу старую листву, а поверх ее стелили ветошь. Здесь же, впрочем, было царское сидение...

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) По теории, господствующей в (непаниниевской) палийской традиции языкознания, насчитывают четыре части речи: имена (в том числе местоимения, причастия и пр.); личные формы глагола; неизменяемые частицы и глагольные приставки, многие из которых, как и в русском языке, употребляются также предложно («войти в дом»).
- (2) В тексте приведены цитаты из Канона, иллюстрирующие каждое из значений частицы, причем фактически оказывается, что частице приписана прагматическая значимость предложения.
- (3) *Казначей дхармы* — почетное прозвание Ананды. Богатство дхармы (как традиции) есть дхарма как канонический текст. Это-то богатство и хранил Ананда.
- (4) «Четырьмя колесами» подразумевается «колесницы, на которой едут по духовному пути», традиция называет: житье в благоприятной местности или стране и доступ к ученичеству у добродетельного человека — это первая пара колес, а также обладание подлинным духовным упованием и наличие в прошлом духовных заслуг — вторая пара колес.
- (5) *Древние* — авторы старого, возможно, составленного на старосингальском языке комментария, до нас не дошедшего.
- (6) *Слоновий царь Шестиклык и лебединый царь Дхритараитра* — герои джатак из канонического собрания. Царь богов Шакра — глава сообщества богов на вершине горы Меру, по буддийской космографии. *Великий Брахма* — главное существо на уровне мира «чистого образа», соответствующего первому уровню умозрения. *Содружество брахм* — сообитатели мира Великого Брахмы.
- (7) *Личного служителя* себе Будда попросил на склоне лет, физически ослабев, им был Ананда.
- (8) Почтительное наименование «приемной» Будды в монастыре.
- (9) Указания для личной работы — здесь подразумеваются типовые упражнения из разряда «культуры состояний», рассчитанные на освобождение «спокойствия» (пали *samatho*).

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-290-301

**A BUDDHIST CANONICAL TEXT WITH A COMMENTARY
AS A TRADITIONAL HYPERTEXT. THE VERY BEGINNING
OF THE BRAHMAJĀLASUTTANTA WITH CORRESPONDING
COMMENTARY FROM THE SUMAṄGALAVILĀSINĪ**

Paribok A.V.

St Petersburg University
Universitetskaya Emb., 7-9, St Petersburg, Russia, 199034

Abstract. The publication presents the initial passages of the famous Pali Brahmajālasuttanta with the corresponding parts of its traditional commentary Sumaṅgalavilāsinī as a sample of the ancient hypertext. It is meant as a valuable source to such fundamental philological and hermeneutical questions as what is commented and what is disregarded by the commentator; how, why and whatfore is in commented.

Key words: Theravada, hypertext, commentary, Buddhism, canonical culture

Для цитирования: *Парибок А.В.* Авторитетный текст и комментарий к нему как традиционный гипертекст. Начало сутры о верховной сети Брахмы (Свод долгих сутр № 1) с традиционным комментарием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 3. С. 290—301. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-290-301.

For citation: Paribok A.V. A Buddhist Canonical Text with a Commentary as a Traditional Hypertext. The Very Beginning of the Brahmajālasuttanta with Corresponding Commentary from the Sumaṅgalavilāsinī. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (3): 290—301. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-290-301.

Сведения об авторе:

Парибок Андрей Всеволодович — кандидат филологических наук, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: paribok6@gmail.com).